

ГОДЫ ВЕЛИКОЙ Отечественной ...

М. В. ВИШНЯК

Правда антибольшевизма

...У нас в ушах гремит ура!
И многие, забывшись слишком,
Ногами штатскими пылят,
Подобно уличным мальчишкам,
Близ марширующих солдат.

Блок¹

Всякой войне свойственно вносить смятение — не только в ряды врагов, но и в собственные ряды, в политическое сознание воюющих. В русско-турецкую войну 1877–78 гг. из английской партии тори выделилась группа, настаивавшая на вступлении Англии в войну против России; эта группа была окрещена — Джинго, по имени легендарной японской царицы, символа воинственности, родительницы «бога войны», микадо № 15 Хашимена². С того времени *джингоизмом* стали называть нездоровую атмосферу, создаваемую во время войны «зоологическими националистами» умелой игрой на привязанности масс ко всему своему, потому что это «свое», и на отталкивании от всего чужого, потому что это «не наше».

Джингоизм свирепствовал в Англии во время войны с бурами. Джингоистские настроения культивировали обе борющиеся стороны в прошлую мировую войну. Джингоизмом была пресыщена вся гитлеровская пропаганда и в мирное время. Теперь такая же атмосфера — «Гром победы раздавайся», «веселися славный Росс» — создается и в русском зарубежье, даже в политической эмиграции. И как мания величия превращается иногда в манию преследования, так и преувеличенное самоутверждение легко превращается в крайнюю подозрительность по отношению ко всем иначе думающим. Упрощающая логика уже не довольствуется традиционным — «Кто не с нами, тот против нас!»; она идет дальше: «Кто не с нами, тот с нашими врагами!»... Вы не за Сталина, «значит», Вы за Гитлера или с Гитлером.

Джингоистское настроение не удовлетворяется тем, что противники террористической диктатуры Советов *подчиняют* свою политическую борьбу против советской власти общим интересам

войны против фашистской агрессии; что они поддерживают оказание всемирной помощи советской России в борьбе с гитлеровцами и т. д. Требуется большее — воздержание от всякой критики советской власти, ибо такая критика, «бесплодная, бесполезная и вредная», способна вызвать недоверие к власти. Но и этого недостаточно. В порядке логического развития умолчание у «безбоязненных патриотов» переходит в апологию нынешних действий этой власти, а там и в изыскание смягчающих обстоятельств для ее прошлой деятельности и даже — в ручательство за направление советской политики и в будущем.

Если вы любите Россию и болеете за нее, если Вы считаете себя подлинным русским патриотом, от Вас требуют не только воздержания от хулы на Сталина — не одобрять Черчилля и Рузвельта допускается, — но и восхваления светлых явлений советская строя, до дипломатического искусства Молотова и Сталина включительно. Джингоистская психология — и логика — требует, чтобы вы признали русский фронт единственно решающим для общих судеб войны; что «красная армия состоит из 10 миллионов сверхчеловеков, проводящих 24 часа в сутки в умерщвлении немцев и разрушении танков», — как характеризует казенные репортажи советских репортеров американский корреспондент на русском фронте Эрскин Колдуэл в только что выпущенной книге «All-out on the Road to Smolensk»; что русская армия героически сражается «именно русским оружием» — англичане и американцы и оружием помогают слабо; и т. д. При этом умалчивают не только о роли Англии в прошлом, в то судьбоносное и для России лето 1940 г., когда Англия одна и единственная противостояла Гитлеру, — Франция капитулировала, Америка выжидала, СССР помогал Гитлеру. Опускается и роль Соединенных Штатов как арсенала демократии, поставляющего России не одну только амуницию, но, увы, и основные продукты питания: Вашингтон сообщил 20 февраля, что СССР требует кроме сахара, что естественно после потери свекло-сахарной промышленности на Украине, мясных консервов, жиров и даже — 2½ миллионов тонн пшеницы и муки!...

Джингоизм — явление не новое. И оригинальность нынешних джингоистских настроений лишь в том, что к ним приобщились и недавние противники советского патриотизма из демократического лагеря, отлично знающие цену сменевеховству и не без сарказма сами расценивавшие «советский патриотизм».

О смятении политических умов в русском зарубежье свидетельствует то, что ушедшим в изгнание, — в частности, и по патриотическим соображениям, — либералам, демократам, социалистам приходится сейчас чуть ли не оправдываться в своем

антибольшевизме. Они вынуждены сейчас доказывать — былым циммервальдцам и открытым пораженцам — совместимость патриотизма с антибольшевизмом и, больше того: правомерность и необходимость критического отношения к советской власти именно в нынешнее, решающее для России и мира время; и, с другой стороны, — что гитлеровский антибольшевизм (производное от его антидемократизма, так как для него врагом № 1 является «*мать* большевизма» — демократия) компрометирует демократов-антибольшевиков не в большей мере, чем социалистов компрометирует гитлеровский «социализм».

Духовная опустошенность наших дней сказывается в том, что и после 25 лет существования большевистской власти приходится оправдываться антибольшевику и *оправдывать* антибольшевизм — в том философско-историческом смысле, который придал этому термину Владимир Соловьев, когда назвал свою нравственную философию «Оправданием Добра». Мы хотим в дальнейшем вскрыть и наметить *правду антибольшевизма*.

* * *

Les peuples sont pour nous des frères,
Et les tyrans des ennemis.

*Революц. песнь 1848 г.*³

Антибольшевизм есть отрицание большевизма и его зла. Это значит, что антибольшевизм демократии постоянен, доколе существует большевизм. Но это не значит, что антибольшевизм статичен. Нет, он следует за большевизмом, и его отрицания меняются соответственно с тем, что в разное время, в связи с своими нуждами и интересами, утверждает большевизм.

Можно спорить о том, что составляет главное зло большевизма; неоспоримо, что он свершил не единственное зло. В общей форме можно сказать, что главная беда состояла не в том, *что* сделали большевики, а в том, *как* они сделали; не в том, какой *программы* они держались или хотели держаться, а к каким *средствам* и мерам при этом прибегали. Организовав заговор против февральской революции, — «Россия теперь самая свободная страна в мире», — говорил Ленин накануне октября, — большевики методически утвердили и во всеуслышание благословили террор во имя и во славу социализма. Осуществилось на деле предсказанное Герценом: «Социализм, который хотел бы обойтись без политической свободы и без равноправия, быстро выродился бы в самодержавный коммунизм»⁴. Большевистский социализм превратился в самодержав-

ный коммунизм со всеми его атрибутами: массовыми казнями, пытками, провокацией, заложничеством, шантажом, всеобщим сыском и доношением, даже детей на родителей.

Большевизм хотел освятить насилие и деспотизм нуждами революции (по примеру французских якобинцев) и интересами социализма. Величайшие надругательства над личной свободой и раскрепощением трудящихся были выданы за единственно реальный, русский путь к социализму. Это оказалось великим соблазном. «Мифом XX века» должны были бы быть названы не нацистские мудрствования Розенберга, а большевистское утверждение «социализма», в который насильственно загоняют ослепленных трудящихся.

Это было не только логическим противоречием с обычным представлением о социализме как утверждении демократии и в экономической области, не только искажением и извращением свободлюбивого социализма; это было и представлением глубоко антиисторическим. Социализм — или коммунизм — представлялся большевикам *финальной* стадией человеческой истории, которая достижима волевым напряжением профессиональных революционеров-террористов.

Большевизм оказался более живучим, чем это можно было думать — чем думал, в частности, Ленин. После четвертьвекового властвования большевиков, — срок, которым измеряются поколения, — как будто не приходится говорить об антиисторичности большевизма. Это верно в той мере, в какой большевизм «мифический», или тот, за который он себя выдавал, и большевизм реальный принимаются за одно и то же. Антиисторический по заданиям, большевизм был возвращением вспять по сравнению с уже достигнутым. Обещая хлеб, большевизм дал голод. Суля дворцы, отмерил жилплощадь. Возвещая мир, привел к войне. Рекомендую разбить «государственную машину», создал неслыханный «аппарат угнетения»: полицию, армию, бюрократию, суд, тюрьмы, концлагеря. Сократив безработицу, создал миллионы безработных.

Провал большевизма был тройкий: *моральный* — потому что взамен не-большевиками свергнутого самодержавия большевизм установил несравнимо более жестокий и бездушный строй; провал *социальный* — потому что большевизм разрушил прежнее неравенство между командующими и командуемыми, но воздвиг еще горшее, распространив его на все мелочи быта: жилплощадь, пользование лечебными средствами, способы и самую возможность передвижения и т. д.; провал *политический*, потому что «организованная гражданская война», как большевики назвали свою

революцию, превратилась в войну перманентную, длящуюся вот уже четверть века.

И когда иные с видом политических агностиков вопрошают теперь: а можете ли вы объективно, на основании данных, утверждать, что общее отношение русского населения к большевистскому режиму осталось таким же враждебным, каким оно было в голодные годы, — мы без колебаний отвечаем: «Да, можем!». Голодные годы военного коммунизма имели свой рецидив в эпоху сплошной коллективизации (1932–33 гг.), и за все время существования большевизма недоедание населения было постоянным; а главное, факт существования и по сей день несмягчающегося террора свидетельствует с достаточной убедительностью о постоянстве чувств подвластных большевистской диктатуре.

Никакая власть не устанавливает режима ежовых рукавиц без крайней к тому необходимости. И как низко ни расценивать советской диктатуры, но и ее нельзя заподозрить в любви к террору ради террора. Она хорошо осведомлена об отношении к ней населения. «Репрессии всегда признак страха» — признают ведь и те, кто внезапно усомнились в подлинных чувствованиях русского народа.

Себе равная все 25 лет диктатура опрокидывает безжалостно все благодушные размышления советских патриотов из эмигрантского далека. Им представляется, что если нет в СССР сейчас восстаний против власти, «значит», у населения нет и недобрых чувств к власти, — а, наоборот, население видит в экономическом и социальном строе СССР «нечто свое, близкое». Это создает и особую «моральную атмосферу», благодаря которой только СССР и оказался «более приспособленным к современной тотальной войне». Вряд ли надо указывать, что в подобных рассуждениях «экономический и социальный строй» стыдливо прикрывает наготу диктатуры — служит псевдонимом: советский социальный и экономический строй порожден диктатурой, которая террором охраняет себя и этот строй. И колхозный бригадир, воскресивший бригадира аракчеевских военных поселений, — символ достижений советской власти в земельном вопросе, стоивших русскому крестьянству десятков миллионов жертв от голода 21–22 и 32–33 гг. и беспощадного истребления властью «кулаков и подкулачников, как класса»... Не потому СССР оказался более приспособленным к войне, что там сильнее единение народа с властью, чем в Британии или Соединенных Штатах, а потому, что всякой тотальной диктатуре приспособиться к тотальной войне гораздо легче, чем демократии.

Был ли большевизм органическим эпизодом русской истории? — Вряд ли это можно утверждать, не приписывая «органич-

ности» (та же гегелевская «разумность») всему в реальности существующему. Различая между народом и властью, нельзя и большевистскую власть безнаказанно «пришивать» русскому народу, как нельзя отождествлять фашизм с Италией или нацизм со всей Германией. Только ложная гордыня может утверждать, что реакция русского народа на мировую войну в форме большевизма «изуродовала идеал», тогда как все другие реакции на то же явление дали «идеал уродства». Нам уже приходилось приводить замечательные слова Владимира Соловьева: «Национальное самосознание великое дело; но когда самосознание народа переходит в самодовольство, а самодовольство доходит до самообожания, тогда естественный конец для него есть самоуничтожение: басня о Нарциссе поучительна не только для отдельных лиц, но и для целых народов».

Не раз ставили мы перед собой вопрос: что положительного дал большевизм России и миру по сравнению, в частности, с тем, что было дано или предрешиено февральской революцией? В чем хотя бы апостериорное оправдание пролитой крови, разорению страны, обнищанию народа? Выросла ли человеческая личность в образе и звании советского гражданина? Освободились ли от гнета нужды и произвола трудящиеся в пределах хотя бы своего «социалистического» отечества. Сорваны ли ветхие одежды Адама — капитализма и империализма? Торжествует ли интернациональная солидарность, всечеловеческий идеал братства?

И как прежде (см. «Миф Октября» в «Соврем. записках» № 33), так и теперь мы считаем: ни человек, ни класс, ни человечество, ни интернационал трудящихся от торжества большевизма не выиграли, а — проиграли. Говоря в общей форме, — проиграли потому, что развеяна по ветру вера в человека, угас энтузиазм, уважение к слову, любовь к труду, надежда на разум коллективных усилий и грядущее братство. Пробуждены и освящены («социализмом») эгоцентрические, шкурнические, первичные инстинкты в человеке. Все это представляется неоспоримым сейчас, как было неоспоримо и 12 лет тому назад. И лишь одно отрицательное суждение может показаться опровергнутым нынешними событиями.

«Возвеличена ли Россия, как была возвеличена Франция террористами-якобинцами?», — прежде, когда в активе большевизма значились лишь победы на внутреннем фронте, а на внешнем только мир в Бресте и мир в Риге (с Польшей), это звучало риторически: ответ подсказывался сам собой. Сейчас, когда Красная армия остановила гитлеровское нашествие у Ростова, а потом принудила не знавшего до того поражений врага отступить, — аналогия с террористами-якобинцами может казаться правильной: большевизм действительно «возвеличил Россию». И С. Л. Поляков-Литовцев

поспешил печатно удостоверить: «Вчерашние захватчики власти, вчерашние душители России сегодня в горниле военного ада — охранители русской чести, знаменосцы русской свободы» (имеется в виду, очевидно, *внешняя* свобода, т. е. независимость). Он прибавляет почти уничижительно: «От нашей воли, от наших настроений, от наших государственно-правовых концепций это не зависит ни в малейшей степени».

Если бы это было так безнадежно, бесплодны были бы все наши суждения и писания. Спасти — или не спасти — русскую и мировую свободу суждения и писания, конечно, бессильны. Это решат физические бойцы. Но в той мере, в какой правильная установка может все же способствовать разрушению иллюзий и утверждению правды, она может явиться положительным элементом в физической борьбе. Большого не дано никаким и ничьим писаниям — тем более людей, находящихся в изгнании. Невозможность влиять на события — аргумент обоюдоострый, закрывающий уста всем. Правда должна быть высказана, безотносительно к тому, «последует ли советам Кремль» или не последует. Критика, ориентирующаяся на Кремль, критика несвободная и потому не критика вовсе.

Только согласившись на этом, можно говорить о всем дальнейшем, и в частности о том, «возвеличили» ли Россию большевики.

* * *

Изгнанием из страны родной
Хвались повсюду — как свободой⁵.

Лермонтов

Итак: победа России — мера вещей. Важно не то, хорош или нехорош существующий в России режим, а может или не может он выгнать немцев, очистить русскую территорию и обеспечить независимость России. «Быль молодцу не укор», — особенно сейчас, во время войны. Не будь в России диктатуры, может быть, и Россия разделила бы участь демократий в Европе и Америке, показавшей свою неподготовленность противостоять Гитлеру и Хирохито? — И в таком случае «да здравствует диктатура»? — Можете ли вы «вполне объективно» доказать, что демократия сопротивлялась бы гитлеровским полчищам более успешно, чем большевики?

Доказать, что могло *бы* быть, если бы было не то, что было, — задача невозможная. Отрицательные факты вообще недоказуемы: на этом построено требование доказательств от обвинителя. Но сомнения относительно демократии смягчаются уверенностью в том, что она никогда не пошла бы на противоестественное соглашение

с Гитлером, на которое пошел Сталин и на которое не решается окончательно идти даже Петэн. А не будь обеспечен у Гитлера тыл на востоке, вероятно, вся карта мира была бы не той, какой она стала после соглашения 23 августа 1939 г. в значительной мере *вследствие* этого соглашения⁶. Можно согласиться с тем, что во время войны победа над врагом — высший закон. Но почему, на каком специальном основании надлежит проводить знак равенства между Сталиным и Россией, когда даже между Черчиллем и демократической Англией никто — в том числе и Сталин, и Черчилль — такого знака не проводят?

Не может быть сомнений в том, что евреи желают победы над Гитлером и тем самым успеха британскому оружию. Это, однако, не помешало ни евреям, ни не-евреям, в самой Англии и в Соединенных Штатах, с возмущением отнестись и публично осудить, даже в заседании палаты общин, бесчеловечный формализм британской администрации в Палестине, из-за которого пошла ко дну «Штрума» с 768 беженцами-евреями из Румынии⁷. И лучшая власть не всегда власть хорошая: случается и ей действовать нецелесообразно и пагубно, и в таком случае подвергаться критике и осуждению. Почему советской власти быть исключением?

Безмерны муки, которые несут сейчас Россия и Красная армия. И нет того демократа или российского патриота, который не ликовавал бы при вести о каждом отступлении врага. Можно только радоваться, что опасения в неподготовленности России, вызванные ходом войны с Финляндией, не оправдались, и мы, вместе со всеми врагами и друзьями России, — ошиблись. Советской власти удался ее двуличный маневр: она сумела «засекретить» даже от друго-врагов и германского Райхсвера количество и качество своего вооружения — и это оказалось объективно благом; но она сумела в то же время склонить западные демократии, под давлением внутренней пропаганды пацифистов и коммунистов, к максимальному разоружению, — что оказалось объективно злом. Кто взвесит и как учесть окончательный итог от выигрыша, полученного в результате засекреченного вооружения СССР, и проигрыша от неподготовленности разложенных пацифизмом демократий?

И вовсе не из «верности прошлому», а для того, чтобы не обманываться самим и, вольно или невольно, не обманывать других, нельзя никак сбросить со счетов 23-летнюю подготовку и тренировку Красной армии в ненависти к западным «плутократам», якобы ковавшим свое оружие для нападения на «социалистическое отечество». И когда на 24-й год существования Красной армии на Россию напали вовсе не западные империалисты, а коварный, но «кровью спаянный» друг, это оказалось сюрпризом не только

для неподготовившейся к тому советской власти, но для всего населения.

За 25 лет жизнь не стояла, конечно, на месте. Но террористическая диктатура оставалась себе равной все это время, варьируя лишь объекты, к которым прикладывался «каленный утюг». Все еще не отмерли, увы, за 25 лет и «цитаты из Ленина 1918 года». Кто в этом сомневается, пусть перечтет юбилейный приказ Сталина по случаю 24-летия Красной армии. Главная надежда верховного советского вождя по-прежнему не на народ, который «зажегся национально-патриотической страстью и суровой решимостью бороться и умирать». Нет, для него важнее всего, чтобы «здоровствовала великая партия большевиков, ведущая нас к победе! Да здравствует непобедимое знамя великого Ленина! Под ленинским знаменем вперед!» Вот в чем по-прежнему предел государственной мудрости для тех, кого хотят признать за «охранителей русской чести и завоевателей русской свободы».

25 лет спаяна Россия с большевизмом. Это было величайшим несчастьем для нее самой и для всего мира. Только слепые могли этого не видеть раньше, а зрячие только могут делать вид, что этого не замечают сейчас. Нас стараются убедить, что народ и власть, страна и режим в странах диктатуры — едины. Этого нет ни в одной стране, и меньше всего, конечно, может быть в стране диктатуры. Это отрицают многие из новоявленных защитников советской власти, но это признает и Сталин, — если нужны непременно доводы от Сталина: «История учит, что Гитлеры приходят и уходят, в то время как германские народ и государство остаются». Это историческое поучение применимо в полной мере и к России. И мы, с своей стороны, неоднократно подчеркивали: и Ленин, и Троцкий, и Сталин прейдут, а Россия останется.

Нельзя не различать между преходящим режимом и «вечным» народом. Но и при таком различении остается вопрос: способствует ли нынешний режим в СССР — и на терроре покоящаяся советская экономика — победе русского оружия? По глубокому нашему убеждению, — и не только как демократов (а потому якобы непременно «доктринеров»), но и по тому совершенно самоочевидному основанию, что никто без крайней нужды не мирится с насилием, — русский народ сейчас проявляет чудеса храбрости не благодаря советскому режиму, а безотносительно к нему и объективно вопреки режиму, — *подчиняя* свои чувства и отношение к режиму нуждам защиты России.

Жертвенностью и успехами русской армии можно и должно восхищаться. Но при чем тут правящая советская клика, своим дипломатическим искусством способствовавшая восхождению

к власти наци и победоносному их продвижению по всему миру? Было бы несправедливо, конечно, все победные доблести приписывать русскому воинству, а все поражения относить на счет бездарного командования. Все же за поражение гораздо более ответственно командование, а не выполняющие приказы бойцы. Мы это видели на примере Франции. В этом убеждает и пример Америки. Адмирал Киммель и генерал Шорт могли быть смещены в 24 часа. А в СССР, где все — в тотальном смысле этого слова, — все концы и начала сосредоточены в руках одного и единственного? Против стратегической пассивности британского или американского командования и ответственных за него Черчилля или Рузвельта могут восстать парламент и конгресс или отдельные его органы. Кто мог поднять голос против несмещавшего бездарных Буденного и Ворошилова? Какая вообще существует, не скажу: сдержка, а хотя бы проверка принимаемых Сталиным решений по самым сложным и основным вопросам войны, — Сталиным, который не то что о военной технике, но и о жизни других народов осведомляется, по мере нужды, с чужого голоса (ср. живописный рассказ Дэвиса, как изумился Сталин, когда Дэвис ему сообщил, что и в Америке капитализму ставят преграды: богатая жена Дэвиса вынуждена будет отдать государству 80% своего имущества, в форме наследственных пошлин, а сам Дэвис, менее состоятельный, — 50%; только утвердительный кивок присутствовавшего при беседе Молотова убедил всевластного, но не всезнающего диктатора).

Во всяком случае, если и советская власть причастна к победе и ей, по неожиданному стечению обстоятельств, довелось возвеличить Россию, — как в свое время возвеличили Францию террористы-якобинцы, — тем, что враг был вынужден очистить примерно 1/5 занятой им территории (данные нью-йоркского «Таймса» на 1 марта), то ведь та же советская власть причинна больше других и к потере тех 4/5 русской территории (427 000 квадратных миль), на которой жило 60 миллионов граждан и которая остается еще во владении Гитлера!

Понятны и естественны комплименты — искренние и официальные, — которые несутся по адресу предрежащей в России власти со стороны не слишком осведомленных иностранцев. Внутри-фальшивая дипломатия и давно прогнившая теория невмешательства, даже морально-политического, в дела других государств (она тоже несет свою долю вины за катастрофу) позволяют со спокойной совестью взирать на террористическую диктатуру у других, предостерегая от нее своих. Большевизм царствует и управляет Россией четверть века, — «значит», существуют

к тому достаточные «органические» основания — в психологии русского народа, в его истории, геополитике, экономике. Гораздо существеннее, что советское правительство участвует «в нашей битве. Оно у самых бастионов наших крепостей, когда враг у ворот, а врата наши и у других пали». В таком, близком к паническому, настроении бывший американский посол в СССР Джозеф Дэвис (в речи от 28 февраля), естественно, рекомендует американскому общественному мнению оказать «безоговорочное доверие советскому правительству и его главе Сталину». Он оправдывает и прошлое — соглашение Сталина с Гитлером, когда Сталин «отказался вытаскивать своими руками из огня чужие каштаны»; он готов ручаться за «честность намерений» советской власти и в будущем, утверждая, что она «служит своему Богу так же, как мы своему».

Повторяю, для иностранцев такая психология — и логика — естественна. Кто бы ни дрался, с какими потерями и жертвами для себя ни дрался, лишь бы дрался на нашей стороне. Враг нашего врага нам друг — безотносительно ко всему остальному. Внутренний режим России, в конце концов, и не интересуется чужеземцев: не они призваны пещись о нем и вообще о России.

Совсем иное дело — русская политическая эмиграция. О чем могут договариваться с советской властью политические эмигранты, когда и самые жертвенные предложения услуг со стороны беженцев-патриотов неизменно отвергаются — «до окончания войны»? Когда даже американскому Еврейскому Рабочему Комитету не давалась возможность отправлять в СССР столь необходимые там платые и медикаменты! Если в чем может состоять измена родине русских эмигрантов, это в добровольном отказе от того единственного оружия, которым она, и только она, располагает, в отличие от подвластной диктатуре населения России, — в отказе от критики больших и малых пороков советского механизма, его стратегии и тактики, дипломатии и внутреннего управления. «Служить — так не картавить, а картавить — так не служить», — говорил Яков Долгорукий. Да если бы политическая эмиграция и восхваляла советские достижения, это было бы ударом по воде: не устраним факт вынужденного пребывания русских демократов и социалистов в изгнании, и он свидетельствует убедительнее всяких слов и доводов против советской власти и ее новейших апологетов из рядов эмиграции.

Этот единственный смысл политической эмиграции никак не в силах вытравить из себя до конца даже те, кто сами стремятся и других зовут всячески увеличить и усилить «удельный политический вес Советского Союза». Уже как в этом направлении старается Ф. И. Дан, однако и он то и дело вынуждается, конечно, против

собственной воли, то озаглавить статью «Хуже чем преступление» (вторичный арест гг. Эрлиха и Альтера⁸), то — «Слабоумие или провокация» (вариант исторического противоположения П. Н. Милюкова «Глупость или измена»), и говорить, совсем на манер прочих «переродившихся и выродившихся социалистов» (выражение Дана), о — «лакеях Сталина или весьма искусных агентах Гитлера» (см. «Новый путь» №№ 14, 15 и 16).

В ту войну, после февральской революции, мой учитель и друг Ф. Ф. Кокошкин — будущая жертва разнузданной большевизмом черни — говорил (в докладе к.-д.-скому съезду о монархии и республике): «Нельзя одновременно быть с царем и быть с Россией, — быть с царем значит быть против России». Эти слова сохраняют свой смысл и для России эпохи самодержавного коммунизма. Если бы «отец народов» руководился исключительно интересами скорейшей победы над международными фашистами, а не расчетами личного властолюбия или видами на социальную революцию, — лучшее, что он мог бы сделать в интересах даже не России *tout court*⁹, а своей России, советской, это безотлагательно сдать власть и уйти в политическое небытие. Это давно поняли американские друзья России из лагеря социалистической демократии, подавшие такой совет. Это должны осознать и подлинные российские патриоты.

* * *

Et s'il n'en reste qu'un
Je serai celui-là.

*Hugo*¹⁰

Антибольшевизм не есть только отрицание отрицательного — зла большевизма. Он и в положительном утверждении антибольшевистской правды демократии. Сейчас эта правда не ко двору у руководителей международного общественного мнения; она не в чести даже у русской политической эмиграции, вопреки ее собственному внутреннему смыслу и природе. Это не отменяет значения и силы правды.

Именно потому, что антибольшевизм претендует на правду, он не может зависеть от случайных обстоятельств времени и места или быть производным от последней военной сводки событий на фронте. Благодушные русские либералы при самодержавии заявляли себя республиканцами на берегах Сены и монархистами на реке Неве. И в наши дни ставившие на большевизм до 23 августа 1939-го — заявили о своем непримиримом антибольшевизме на следующий день после заключения Молотовым соглашения с Риббентропом;

в ночь с 22 на 23 июня 1941 г. они вернулись обратно на прежние позиции. Такие превращения происходили и в индивидуальном порядке, и в групповом. Как обычно в таких случаях, на помощь психологическому состоянию призвана была и «идеология». Самый антибольшевизм был объявлен пережитком прошлого — «примитивным» и «вульгарным». А в той мере, в какой и в строе «без капиталистов и земельных собственников», при самом благожелательном к нему отношении, далеко не все обстоит благополучно, — безбоязненные патриоты оказались вынуждены взять под свою защиту самую войну. Нас уверяют дружно, что война, несмотря на все ужасы, все же «великий двигатель прогресса», что война уже «выправляет изуродованный русский идеал», а «мир, который за нею последует» выправит его окончательно. После войны, когда фашизм будет разбит, весь мир и, во всяком случае, Россия станут социалистическими. «Война становится той огненной купелью, окунаясь в которую замиравшая было русская революция получает боевое крещение к возрождению, к новой жизни» — можно прочесть в № 16 «Нового пути» Ф. И. Дана¹¹.

Войнам присуще рождать ажиотаж и спекуляцию — и не только в личных и материальных интересах. Война рождает и морально-политическую спекуляцию на то, что в результате войны и «благодаря» ей, как «локомотива истории», двинется семимильными шагами вперед и морально-политическое устройство человечества. Благодетельные последствия войны обыкновенно изображались и учитывались сторонниками морального очищения и просветления, отрицавшими социально-политический прогресс. В частности, за это и за положительную оценку войны их и клеймило прогрессивное общественное мнение ретроgrадами и обскурантами.

Знаменитый Жозеф де Местр, родоначальник новейшей реакционной идеологии, воскресил и развил классический тезис Гераклита Темного — «война отец и царь всех вещей». Де Мэстр доказывал, что «война необходима для морального прогресса человечества» — она «взбадривает размягченные миром нации и сообщает всему в общежитии движение, жизнь, огонь». Примерно в таких же выражениях прославлял войну и Достоевский. Он с убеждением доказывал во время русско-турецкой войны, что «война развивает братство и озлобляет меньше, чем мир»; «война в наше время необходима... Без войны провалился бы мир или, по крайней мере, обратился бы в какую-либо слизь, в какую-то новую слякоть, пораженную новыми ранами». Позднее о том же писали Морис Баррэс и Поль Бурже во Франции и другие. Они и сами причисляли себя к противникам либералов, демократов, социалистов.

В левом лагере апология войны впервые раздалась из уст Ленина. Жоресистскому лозунгу «Социализм это мир!» Ленин противопоставил свой лозунг: и в империалистической бойне он нашел свое благо и утешение для социализма. «Нельзя не признать, — писал Ленин еще в 1915 г., — что европейская война принесла человечеству гигантскую пользу». «На свете еще слишком много осталось такого, что *должно* быть уничтожено огнем и мечом для освобождения рабочего класса, и если в массах нарастает злоба и отчаяние, если налицо революционная ситуация, готовься создать новые организации и *пустить в ход* столь полезные орудия смерти и разрушения (ружье и великолепную, по последнему слову машинной техники оборудованную скорострельную пушку) *против своего* правительства и *своей* буржуазии», — подчеркивал Ленин особым шрифтом свою ударную мысль. «Поповско-сентиментальному» воздыханию о мире Ленин противопоставил свой лозунг — «Поднимай знамя гражданской войны!»

Ленин сделал что мог, чтобы этот лозунг победил. Теперь к этому лозунгу склоняются эпигоны Ленина — и левых эс-эров, — четверть века пребывавшие в антибольшевистском лагере именно потому, что они отлично понимали, к чему мог привести и фактически привел «русский опыт» насильственного «введения» социализма. Новая война оживила былую спекуляцию и ажиотаж. Если люди вынуждены гибнуть и народы страдать — так не за Данциг же и не за Лигу Наций или формальную демократию! Другое дело — социализм: социализм стоит войны. «В атмосфере новой, на этот раз антифашистской, мировой войны русская революция впервые получает перспективы социалистического завершения, которых у нее не было еще вчера», — с удовлетворением отмечает передовик «Нового пути» от 8 марта.

25 лет тому назад выдумка Ленина звучала как бред одержимого, как видение фанатика, Герострата, бескорыстного и тем более опасного. Как назвать нынешний рецидив ленинизма после проделанного опыта, который пришлось бы повторить в условиях неизбежного всеобщего разорения, моральной деградации и распыления, когда не будет даже и тех политических, профессиональных и иных спаек, которые все же сохранились после первой мировой войны?..

Война, конечно, революционизирует жизнь в самом ходе войны и по ее окончании. Мир после войны будет, конечно, не тем, чем он был до войны. Но почему он станет принципиально иным? Почему опустошение в мире вещей и в сердцах людей должно обязательно привести к «счастливному концу» — к молочным рекам в кисельных берегах всеобщего братства? Захват Малайи и выход японцев

к границам Индии способствовал освобождению Индии от владычества Британии. Следует ли отсюда, что в Индии действительно утвердится свобода? Пожар Москвы в отечественную войну, как известно, способствовал ее украшению, — как и бомбардировка Лондона в нынешнюю будет, вероятно, способствовать и его украшению; но следует ли отсюда, что архитектурно и социально измененные Москва и Лондон будут освобождены войной и от всех видов социального угнетения? Или эта война и в самом деле будет последней? Об этом не возбраняется мечтать, но нереально на этом строить. Хилиастические чаяния возникали на протяжении человеческой истории не раз — и до, и после первого тысячелетия христианской эры. Но кончались они все тем же: чем грандиознее были иллюзии, тем глубже было разочарование. Можно ли — не для галереи проповедовать, а верить и исповедать, что на костях и крови погибших, из пепла, гнева и ненависти, которые ежедневно плодит война, произрастет социализм не московского или берлинского образца, а подлинный, свобододлюбивый и благой? Не связано ли возрождение старого хилиазма с приближением к концу второго тысячелетия христианства?..

Как объяснить недоразумение, в которое под влиянием войны так легко стали впадать эмигранты антибольшевики — патриоты или социалисты прежде всего или и патриоты, и социалисты одновременно.

Объяснение может быть в незадачливости русской политической эмиграции, в непереносной длительности неудач, неизменно выпадавших на ее долю. «Странная вещь, что почти все наши грезы оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда не торжеством», — писал много-много десятилетий назад эмигрант Герцен. Это справедливо и сейчас. Систематические неудачи сломили многое в сознании русских эмигрантов-демократов. Одни капитулировали открыто — «с оружием и багажом» перешли в стан победителей-большевиков. Когда в октябре 1917 г. к большевикам примкнул глава левых эс-эров престарелый Марк Андр. Натансон, он говорил: «Нет больше старого Натансона, есть молодой Бобров» (революционный псевдоним Натансона). Менее решительные пытаются сохранить лицо: не они изменили или изменились; все изменила и поставила на голову война — та или эта. Уставшие и изверившиеся в том, что и за 25 лет неспособно осуществиться, они пошли на сделку с собой и признали, что чаемое частично уже осуществлено, остальное же приложится наверняка после войны. Пусть вложиться реально в творчество русской жизни не суждено; видимость хоть некоторого приобщения к ней создается «пропагандой» (в американском смысле этого слова, т. е.

заведомо тенденциозным изображением) советских достижений в прошлом, настоящем и будущем. Политическое омоложение путем самообмана субъективно, может быть, и способно дать удовлетворение. Оно не искушает вреда, который такое омоложение — как и всякая иллюзия — причиняет, когда из безобидной сферы личного сознания оно объективируется во вне.

Марк Вишняк.

9. III.42.

P. S. — Статья была уже отправлена в набор, когда пришлось столкнуться с проявлением «джингоизма», направленного лично по нашему адресу по поводу напечатанной в прошлой книжке статьи. Один писатель в «Новом журнале» позволил себе вслух размышлять, что «рассуждения о российском будущем должны идти не от России к Европе и миру, а в обратном направлении: от мира — к России». — Взволнованному джингоистскому чувству, «без дум, без рассуждений», как оно само себя характеризует, в этих словах чудится уже угроза России, — чуть ли не ее расчленение; и, приведя наши слова, автор в пояснение *прибавляет уже от себя*: «т. е. участь России будет решена Европой и Америкой»... Так как все это проделывается в целях якобы патриотического объединения и всепрощения, то и мне предлагается «глубоко пожалеть о своих печатных размышлениях», или — придется признать, что «змея злобы, прижавшись к сердцу, за него размышляла и довела его до печального состояния» («Новое русское слово» от 10 марта¹²).

Психология — и логика — джингоизма говорят здесь сами за себя и в комментариях не нуждаются. Скажу только, что чем шире развивается нынешняя война, втягивая в себя все континенты, тем самоочевиднее, что и судьбы внешне-политического бытия и независимости отдельных стран будут решаться в зависимости от того, чем станет мир после войны, а не в порядке частных и самостоятельных решений местных и национальных проблем, хотя бы они касались и «одной шестой» земной суши.

